

Н. Я. Половой

О ДАТЕ ВТОРОГО ПОХОДА ИГОРЯ НА ГРЕКОВ И ПОХОДА РУССКИХ НА БЕРДАА

Последние годы княжения Игоря (примерно 940—945 гг.) являются одним из наиболее сложных и значительных периодов в истории древней Руси. Два грандиозных похода Игоря на греков и последовавший за ними почетный и выгодный для Руси договор с Византией, большой завоевательный поход в Бердаа, едва не приведший к окончательному падению мусульманского господства в Закавказье, мирная политика с хазарами и печенегами поставили тогда Русское государство в центре всей политической жизни Восточной Европы.

Таким образом, уже в княжение Игоря Русь уверенно вошла в число великих мировых держав.

Однако ничтожное количество источников, повествующих о последних годах княжения Игоря, их фрагментарность и противоречивость привели к тому, что этот столь важный период русской истории все еще остается недостаточно изученным. Невыясненной и запутанной является пока что и хронология этого периода. В исторической науке нет твердых дат не только для второго похода Игоря и похода на Бердаа, но даже и для договора Игоря с греками, который датируется то 944¹, то 945 г.²; нет твердой даты и для самой смерти Игоря, которую относят и к 945³ и к 946 г.⁴ А между тем ясно, что без тщательно проверенной хронологической канвы сколько-нибудь серьезное изучение этого периода совершенно невозможно.

Очень важно, в частности, установить твердо обоснованную датировку таких важнейших событий периода, как второй поход Игоря на греков и поход русских на Бердаа.

¹ А. А. Шахматов. Хронология древнейших русских летописных сводов. ЖМНП, 1897, апрель, стр. 482; С. В. Юшков. Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1949, стр. 83; М. В. Левченко. Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956, стр. 152.

² М. В. Левченко. Ук. соч., стр. 152. По мнению В. Н. Татищева („История Российская с самых древнейших времен“, кн. II, СПб., 1768, стр. 34), договор был заключен „лета 6453 индикта 4, апреля 20, в третью седмицу по пасхе“. Однако дата эта неверна, так как в 945 г. 20 апреля не приходилось на третью неделю по пасхе. См. Д. С. Лихачев. Повесть временных лет, т. II. М.—Л., 1950, стр. 289; А. А. Шахматов. Повесть временных лет и ее источники. ТОДРА, т. IV, 1940, стр. 119. Б. Д. Греков тоже готов был считать договор Игоря заключенным в 945 г. (см. его работу „Борьба Руси за создание своего государства“. М., 1945, стр. 63).

³ А. А. Шахматов. Ук. соч., стр. 482; В. В. Мавродин. Древняя Русь. М., 1946, стр. 183.

⁴ С. В. Юшков. Ук. соч., стр. 77; С. Соловьев. История России. М., 1874, стр. 325.

Относительно первого похода Игоря на Византию нам достоверно известно, что он состоялся в 941 г. Что же касается второго похода Игоря, о котором прямо говорят только русские источники, то они датируют его по-разному. Так, Лаврентьевская летопись относит его к 6452 г. византийской эры, Троицкая летопись — к 6451⁵, Еллинский летописец второй редакции датирует его 6450⁶, а Новгородская летопись — 6430 г.⁷ Несмотря на этот разнобой, подавляющее большинство исследователей без малейших колебаний принимает как аксиому датировку этого похода Лаврентьевской летописью: 6452 — 944 год. Правда, некоторые историки признают годом второго похода Игоря 943 год, но делают это без всяких доказательств⁸⁻⁹. А доказательства, что именно эта датировка правильна, имеются, и их можно найти в первую очередь в самих русских источниках.

Обратим прежде всего внимание на то, как устанавливали дату второго похода Игоря Новгородская первая летопись и Еллинский летописец второй редакции, т. е. источники, которые должны привлечь особенное внимание исследователя хронологии древнерусской истории, так как в своей начальной части они восходят к более древним хроникам, чем Повесть временных лет. В Новгородской первой летописи мы читаем: «В лето 6428. . . и възратишася Русь в своя. Томъ же лете препочиша и другое, на третье идоша», — и соответственно в Еллинском летописце второй редакции: «В лето 6448. . . томъ же лете препочиша и другое, паки же въ третье лето поидоша».

Как пояснил уже В. М. Истрин, это место нужно понимать в том смысле, что русские отдыхали тот год, в котором состоялся первый поход Игоря (941), и следующий за ним, а на третий год, если учитывать и тот год, в который состоялся первый поход Игоря, отправились в новый поход на греков¹⁰.

Имея в виду этот двухлетний промежуток между двумя походами Игоря, летописцы все свое внимание направляли на определение даты первого похода Игоря. По подсчетам автора того текста сказания о первом походе Игоря, который сохранился в Новгородской первой летописи, первый поход Игоря на греков состоялся в 6428 г.¹¹, поэтому он для второго похода дал дату 6430 г. По подсчетам же автора сообщения о первом походе Игоря, которое сохранилось в Еллинском летописце второй редакции, первый поход Игоря на греков состоялся в 6448 г., поэтому он для второго похода дал дату 6450 г.

Трудно сказать, откуда в этих двух русских источниках, более древних, чем Повесть временных лет, явилось указание, что между первым и вторым походом Игоря был двухлетний промежуток. Очень может быть, что эти сведения, как и многие другие, заимствованы из народных преданий, но, может быть, и из какого-то письменного источника, до нас не дошедшего¹². Но при всех условиях игнорировать это прямое указание русских источников нет никаких оснований. Не случайно, что такие проница-

⁵ М. Д. Приселков. Троицкая летопись. М.—Л., 1950, стр. 73.

⁶ В. М. Истрин. Летописные повествования о походах русских князей на Царьград. ИОРЯС АН, 1916, т. XXI, кн. 2, стр. 233.

⁷ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 1950, стр. 108.

⁸⁻⁹ А. Висковатов. Обзор морских походов русских IX—XVII вв. М., 1946, стр. 22; П. И. Белавенец. Материалы по истории русского флота. М., 1940, стр. 8, 12.

¹⁰ В. М. Истрин. Летописные повествования. . . , стр. 219.

¹¹ Ошибка этого летописца в установлении даты 6428, а не 6449 рассмотрена у А. А. Шахматова (ук. соч., стр. 467).

¹² В. М. Истрин. Моравская история славян и история поляно-руси как предполагаемые источники начальной русской летописи. BS, III, 2, 1931, стр. 311.

тельные историки, как Карамзин¹³ и Шафарик¹⁴, основывающие свои исследования на детальном изучении русских древностей, уже давно указали на этот двухлетний промежуток между двумя походами Игоря.

Далее. Договор Игоря с греками был заключен после второго похода Игоря. С греческой стороны этот договор был подписан совместно тремя императорами-соправителями: Романом Лакапином и его двумя сыновьями — Стефаном и Константином. Однако достоверно известно, что Роман был свергнут двумя своими сыновьями 16 декабря 944 г. «Поскольку договор Игоря, сохраненный нашей летописью, подписывали Роман, Стефан и Константин совместно, то сделать это в 945 г., как обычно датируется этот договор, они, конечно, не могли. Заключение договора, помещенного в летописи под 945 г., несомненно, относится к 944 г., т. е. к тому самому времени, когда назревали крупные события в правящих кругах Византии»¹⁵. Допустим, что окончательная ратификация договора греками состоялась в последний день совместного царствования трех императоров — 15 декабря 944 г. Эта дата поможет нам произвести «простой расчет времени» (выражение А. Н. Насонова) для событий, имевших место между отправлением Игоря в поход и временем окончательной ратификации договора греками.

Уже А. А. Куник заметил, что поскольку с Игорем двигались варяги, за которыми он посылал за море, то историки должны учитывать, что варяги могли прибыть в Киев лишь после вскрытия северных рек. Следовательно, русское войско не могло появиться на Дунае раньше июня.

На Дунае Игорь заключил перемирие с греками, получил от них дары «на вся воя» и, направив печенегов на Болгарию, вернулся в Киев. Если учитывать, что «на путь от Киева до Константинополя нужно было затратить не менее полутора-двух месяцев»¹⁶, то от Дуная до Киева нужно было затратить около месяца. Следовательно, самым ранним сроком возвращения Игоря в Киев мог быть только июль.

Окончательной ратификации договора предшествовали неоднократные поездки дипломатических миссий из одной столицы в другую, начавшиеся уже после возвращения Игоря в Киев. Летопись отмечает: 1) «Присла Романъ и Костянтинъ и Степан слы к Игореву построить мира первого. Игорь же глагола с ними о мире». 2) «Посла Игорь мужъ своя къ Роману. Романъ же созва бояре и сановники. Приведоша русския слы, и велеша глаголати псати обоихъ речи на харатье». 3) «Послании же слы Игоремъ придоша к Игореву со слы гречьскими». 4) «Игорь же утвердив миръ с греки, отпусти слы, одаривъ... Слы же придоша ко цареви, поведаша вся речи Игоревы и любовь яже къ грекамъ».

Таким образом, греческие послы дважды побывали в Киеве. «И из грамоты и из Повести временных лет одинаково видно, что заключение договора было двойное: раз в Царьграде в присутствии русских послов, а другой раз в Киеве, в присутствии греческих послов»¹⁷.

Следовательно, только на одну дорогу греческие послы, два раза совершившие путь от Константинополя до Киева и два раза обратно, должны были затратить не меньше восьми месяцев. Ко времени находке-

¹³ Н. М. Карамзин. История Государства Российского. СПб., 1842, т. I, стр. 90.

¹⁴ П. Шафарик. Славянские древности, т. II, кн. I. М., 1847, стр. 131.

¹⁵ М. В. Левченко. Ук. соч., стр. 152; см. также А. А. Зимин. Памятники права Киевского государства, вып. I. М., 1952, стр. 41; Б. Д. Греков. Киевская Русь. М., 1949, стр. 453.

¹⁶ А. Н. Насонов. Тмутаракань в истории Восточной Европы. Исторические записки, 1940, № 6, стр. 87.

¹⁷ И. И. Срезневский. Древние памятники русского письма и языка. Известия Отделения русского языка и словесности, т. X, вып. 1, стр. 5.

ния послов в пути мы должны прибавить: 1) время их пребывания в Киеве и Константинополе, необходимое на аудиенции с императором и русским князем и на торжественную ратификацию договора в Киеве, описанную в летописи, 2) время выработки самого договора.

Исследования последних лет с особенной наглядностью показали, что при выработке текста договора 944 г. русская сторона играла самую активную роль¹⁸. А это, конечно, означает, что русские приняли не готовый текст договора, предложенного греческой стороной, а выработали этот текст совместно с греками в результате самого тщательного постатейного обсуждения. Посольские переговоры об условиях мира, постатейное обсуждение сторонами, группировка и редакционная обработка договорного материала, конечно, поглощали немало времени¹⁹. Следовательно, и русским и греческим дипломатам требовалось время, чтобы «искусно приспособить греческое (византийское) право к русскому праву (закону русскому)»²⁰.

Роман послал к Игорю первое посольство уже после переговоров на Дунае, когда Игорь был уже в Киеве, т. е. не раньше июля. Если прибавить только семь-восемь месяцев, проведенных послами в дороге, учитывая и зимнее время (хотя путешествие послов в зимнее время «представляется мало вероятным»²¹), то и тогда мы получим февраль—март 945 г. Но ведь нужно еще время и на составление договора и на его ратификацию, на совещания и аудиенции. А Роман был свергнут уже 16 декабря 944 г.!

Таким образом, простой расчет времени говорит против датировки второго похода Игоря 944 г. Если же этот поход датировать 943 г., на что имеется прямое указание в русских источниках, то станет очевидным, что греческие послы имели достаточно времени, чтобы до свержения Романа Лакапина своими сыновьями 16 декабря 944 г. дважды побывать в Киеве и заключить с Игорем договор.

По всей вероятности, договор Игоря с греками был заключен летом 944 г., потому что, как сообщает Повесть временных лет, вскоре после заключения договора наступила осень: «Игорь же нача княжити в Киеве, миръ имея ко всемъ странамъ. И приспе осень, нача мыслити на Деревлены, хотя промыслити большую дань». Конечно, это не могла быть осень того самого года, в котором Игорь отправился в поход на греков, в противном случае нам бы пришлось на весь его поход и на заключение договора отвести три-четыре месяца. Это была осень следующего, 944 г., погиб же Игорь зимой 945 г.

К прямым свидетельствам русских летописей о том, что поход Игоря на греков имел место не в 944 г. (6452 г. византийской эры), а в 943 г., теперь, по-видимому, можно прибавить и эпиграфическое свидетельство. Речь идет о славянской надписи, найденной при земляных работах в 1950 г. в Румынии у вокзала станции Мирча-Вода, близ Констанцы, в 50 км от моря. Удалось прочесть: «Гьрецехъ... лето 6451... Дми-

¹⁸ М. И. Корнеева-Петрулан. К изучению состава и языка договоров русских с греками. УЗ Московского гос. университета, вып. 150, Русский язык. М., 1952, стр. 257, 269; S. Mikucki. *Études sur la Diplomatie Russe la plus ancienne. Les traités byzantino-russes du Xe siècle.* Cracovie, 1953; I. Swencickuj. *Die Friedensverträge der Bulgarien und der Russen mit Byzanz.* Atti del V Congresso internazionale di studi Bizantini, Rome, 1939; I. Свенцицкий. Питання про автентичність договорів Русі з греками в X віці. *Вопросы славянского языкознания*, кн. 2. Львов, 1949; УЗ Львовского гос. университета им. Франко, т. IX.

¹⁹ А. В. Лонгинов. Мирные договоры русских с греками, заключенные в X в. Одесса, 1904, стр. 24.

²⁰ С. В. Юшков. Ук. соч., стр. 85, 132.

²¹ А. Н. Насонов. Ук. соч., стр. 88.

трия...». «Нет сомнения в том, — говорит В. В. Мавродин, — что перед нами древнейшая славянская надпись, фиксирующая какие-то отношения славян и греков, ислершие место в 943 (6451)»²². И дата надписи и место ее находки дают основание связать ее с какими-то событиями именно второго похода Игоря.

К исследованию интересующей нас проблемы следует привлечь и точные источники.

В русской исторической литературе давно уже было высказано предположение, что в тесной связи со вторым походом Игоря на Византию находится поход русских на Бердаа. Но специальных работ, посвященных хронологической дате этого похода, нет, если не считать маленькой заметки акад. А. А. Куника²³, приложенной к «Каспию» акад. Б. Дорна, и небольших замечаний в статьях А. В. Флоровского²⁴, А. Ю. Якубовского²⁵, В. Мошина²⁶ и В. В. Бартольда²⁷, суть которых сводится к тому, что поход на Бердаа происходил непосредственно вслед за вторым походом Игоря на Византию. Но поскольку датой второго похода Игоря на греков принимался обычно 944 год, именно к этому году всячески старались приурочить и поход на Бердаа. Такая датировка похода на Бердаа тем больше внушала доверие, что указываемый арабскими авторами (Ибн-Мискавейх, Ибн-Асир, Абульфед, Хафиз-Абру, Ибн-Хальдун и Айна) для этого похода 332 год хиджры, начавшийся 4 сентября 943 г. и окончившийся 23 августа 944 г., вполне мог соответствовать 944 г.²⁸ Однако если попытаться определить время похода на Бердаа исходя из всей совокупности данных восточных источников, мы увидим, что датой начала похода придется признать не 944 г., а 943 г.

В самом деле, нам известно, что русские в Бердаа не только пришли на лодках, но и ушли на лодках. Следовательно, в обоих случаях исключается зимнее время. С другой стороны, нам достоверно известно, что русские в Бердаа пережили зиму. Это явствует из того, что Марзбан, осадивший русских в Бердаа, узнав, что Ибн-Хамдан отправился в Азербайджан и дошел до Сельмаса, двинулся против него, оставив часть войска с русами, и встретил в походе зиму: «Потом выпал снег и рассеялись люди Ибн-Хамдана, так как большею частью они были бедуинами»²⁹. Это упоминание Ибн-Асира, подтвержденное Ибн-Мискавейхом³⁰, о выпадении

²² В. В. Мавродин. Русское мореходство на южных морях. Симферополь, 1955, стр. 49.

²³ Б. Дорн. Каспий. СПб., 1875, стр. 519—523.

²⁴ А. В. Флоровский. Известия о Древней Руси арабского писателя Мискавейха X—XI вв. и его продолжателя. *Seminarium Condakovianum*, 1927, I, стр. 182, 185.

²⁵ А. Ю. Якубовский. Ибн-Мискавейх о походе русов на Бердаа в 332 г. х. = 943/944 гг. ВВ, т. XXIV, 1926, стр. 88—89; см. его же. О русско-хазарских и русско-кавказских отношениях в IX—X вв. Изв. АН СССР, т. III, № 5, 1946, стр. 469.

²⁶ В. Мошин. Начало Руси. Норманны в Восточной Европе. ВВ, т. III, вып. 2, 1931, стр. 292 и примеч. 93.

²⁷ В. В. Бартольд. Арабские известия о русах. Советское востоковедение, т. I, 1940, стр. 33—34.

²⁸ Б. Дорн. Ук. соч., стр. 123, 516. Только один Бар-еврей (умер в 1286 г.) почему-то датирует поход на Бердаа 333 г. хиджры, но это, бесспорно, ошибка (ср. Б. Дорн. Ук. соч., стр. 522).

²⁹ См. текст Ибн-Асира у В. В. Бартольда (ук. соч., стр. 32) или у Б. Дорна (ук. соч., стр. 515).

³⁰ Ни в издании А. В. Флоровского, ни в издании А. Ю. Якубовского текста Ибн-Мискавейха нет упоминания этого автора о выпадении снега, но оно имеется в английском издании Мискавейха: „The concluding portion of the Experiences of the Nations by Miskawaihi“ в издании: „The Eclipse of the Abbasid Caliphate, original chronicles of the Fourth Islamic century, edited, translated and elucidated by H. F. Amedroz and D. S. Margoliouth“, t. 5. Oxford, 1920—1921, p. 75.

снега и о впечатлении, произведенном этим на бедуинов, свидетельствует о том, что ко времени нахождения русских в Бердаа нужно огнести и зиму.

Но сколько времени пробыли русские в Бердаа? Об этом имеются свидетельства только у двух писателей: у Моисея Каганкатвази, сообщающего, что русские пробыли в Бердаа шесть месяцев³¹, и у Якута, утверждающего, что русские владели Бердаа в течение года. Но Якут умер в 1229 г., т. е. чуть ли не через 300 лет после похода, и откуда явилось его указание на владение русскими Бердаа в течение года, нам неизвестно. Моисей же Каганкатвази, напротив, жил во второй половине X в. и, как он сам пишет, был родом из села Каганкайтук в области Ути, неподалеку от Бердаа. Завоевание русскими Бердаа — это последнее событие, которое упомянуто у Моисея Каганкатвази³². Следовательно, если даже Ибн-Мискавейх, по его собственному признанию, основывался в своем изложении на рассказах очевидцев, то Моисей Каганкатвази, являвшийся современником похода на Бердаа, вполне мог быть не только очевидцем описываемых событий, но даже и участником их³³. Следовательно, в кругу источников о походе русских на Бердаа³⁴ Моисею Каганкатвази, бесспорно, принадлежит первенство и его сообщению о присутствии русских в Бердаа в течение шести месяцев мы должны доверять больше, нежели указанию Якута.

Вскоре после завоевания Бердаа, но еще до выпадения снега, русские отправились в глубь страны и совершили набег на Марагу³⁵, во время которого употребление русскими в большом количестве плодов вызвало среди них эпидемию. Следовательно, в шестимесячный период присутствия русских в Бердаа нам нужно включить осень, «когда спели погубившие русов плоды»³⁶, и зиму. Но если русские совершили свой поход на Бердаа в 332 г. хиджры (с 4/IX 943 г. по 23/VIII 944 г.), пробыли в нем шесть месяцев и пережили зиму, то этой зимой, конечно, могла быть только

³¹ Моисей Каганкатвази. История Агван. СПб., 1861, стр. 275—276.

³² Манук Абебян. История древнеармянской литературы. Ереван, 1948, т. I, стр. 390—391.

³³ А. Ю. Якубовский. Ук. соч., стр. 72; А. В. Флоровский. Ук. соч., стр. 177.

³⁴ В своей последней работе („The second Russian attack on Constantinople“. *Dumbarton Oaks Papers*, № 6. Cambridge—Massachusetts, 1951) А. А. Васильев без малейших доказательств, как само собой разумеющееся, относит Моисея Каганкатвази к числу авторов, повествующих о походе русских на Каспийское побережье в 912/913 г. При этом А. А. Васильев прямо заявляет, что поход 912—913 г. был направлен именно на Бердаа и якобы Масуди повествовал о взятии Бердаа в 912/913 г. (стр. 181 и прим. 42). Однако еще Б. Дорн подчеркивал, что „поход на Бердаа следует отличать от прежних походов“ (Б. Дорн. Ук. соч., стр. XI). С другой стороны, у Масуди нигде нет сообщения о том, что русские в 913/914 г. захватили именно Бердаа. „Ал-Масуди рассказывает, что в 913 г. русы ограбили города Гиляна, Дейлема и Табаристана, а также порт Абесгун. Кроме того, их отряды были в Азербайджане и, в частности, в районе нефтяных бакинских источников“ (А. Ю. Якубовский. О русско-хазарских и русско-кавказских отношениях в IX—X вв. ИАН, 1946, т. 3, № 5, стр. 465). В 913 г. русские только грабили побережье Каспия, но не захватывали города (В. В. Бартольд. Ук. соч., стр. 49), Бердаа же был захвачен лишь в 943 г. Следует добавить, что А. А. Васильев отнюдь не оригинален в этом своем утверждении. В XIX в. было немало историков (например, Рейске, М. И. Броссе), которые тоже без всяких доказательств полагали, что Моисей Каганкатвази описывал поход 912/913 г. Однако всю ошибочность этого мнения показал акад. Б. Дорн, который доказал, что Моисей Каганкатвази повествует именно о походе на Бердаа в 40-х годах X столетия (Б. Дорн. Ук. соч., стр. XI, XLVI).

³⁵ Марага — город на юго-востоке Урмийского озера, в двух днях пути к югу от Тавриза, до сих пор славится своими фруктами. — А. В. Флоровский. Ук. соч., стр. 180.

³⁶ Там же, стр. 185.

зима 943/944 г., а не 944/945 г., как полагают А. А. Куник, В. Мошин, В. В. Бартольд и другие исследователи. Не подлежит, следовательно, сомнению, что арабские источники, указывая для прибытия русских в Бердаа 332 год хиджры, подразумевают не 944, а 943 год.

Таким образом, если источники и «не приводят более точных дат с указанием месяцев и чисел»³⁷, то упоминание о зиме и о шестимесячном присутствии русских в Бердаа помогает установить, что русские в Бердаа пришли в сентябре—октябре 943 г. и ушли в марте—апреле 944 г. Поэтому мы с полной уверенностью можем утверждать, что поход на Бердаа произошел после второго похода Игоря на греков, остановленного греками на Дунае в июне 943 г.

Из свидетельств Низами о походе русских на Бердаа явствует, что русские, прежде чем захватить Бердаа, пытались взять Дербент³⁸. С другой стороны, у Масуди имеется известие, что правитель Ширвана Мухаммед бен Иезид, овладев г. Баб-аль-Абваб (т. е. Дербентом) и еще другими областями, велел в Дербенте выстроить стены. Акад. Б. Дорн делает справедливый вывод из этого факта: «В таком случае можно было бы предположить, что он принял эти меры после вторжения русских в Дербент — начало его правления относится приблизительно к 944 г. — чтобы обеспечить себя от подобных неожиданных нападений»³⁹. Следовательно, и это сообщение свидетельствует о том, что в 944 г. русский поход был уже закончен и арабы выполнили ряд мероприятий по охране своих границ.

Наконец, необходимо обратить внимание на одну особенность кладов куфических монет. В Дании, в Англии, т. е. в местах, на которые распространялась экспансия варягов в X в., как и в самой Швеции, найдено немало кладов, в которых самые молодые монеты относятся к 942 или 943 г.⁴⁰

Такое же обилие кладов, самые молодые монеты которых группируются вокруг 943 г., наблюдается и в России. Так, в Виленской губернии в 1876 г. обнаружен клад из 135 монет, чеканенных в 894—943 гг.⁴¹ В Муроме был найден клад в 2 пуда 23 фунта с монетами, чеканенными в период с 715 по 937 г.⁴², в Могилевской губернии — клад из 82 монет 896—943 гг.⁴³, в Самарской — 50 монет с 726 по 939 г.⁴⁴, в Эстляндской губернии, близ Ревеля, — 12 монет с 716 по 942 г.⁴⁵

Следует подчеркнуть, что в своем большинстве это клады богатые, следовательно зарыты людьми состоятельными, а таковыми могли быть воины Игоря, обогатившиеся во время похода на Бердаа. Отметим, что кладов с монетами, обрывающимися на 944 или 945 г., даже не очень богатых, почти совсем не обнаружено.

Клады с монетами, чеканенными до 943 г., найденные на огромном пространстве от Скандинавии до Оки, свидетельствуют, как нам думается, и о том, что в походе на Бердаа участвовали варяги, поляне, словены, вятичи, кривичи и др. Но, как известно, именно таков же был состав участников

³⁷ В. В. Бартольд. Ук. соч., стр. 31.

³⁸ М. Тебенков. Древнейшие сношения Руси с прикаспийскими странами и поэма „Искандер-Наме“ Низами как источник для характеристики этих сношений. Тифлис, 1896, стр. 45—50; см. также Н и з а м и. Искандер-Наме. Пер. К. Липскерова. Баку, 1953, стр. 351 и сл.

³⁹ Б. Дорн. Ук. соч., стр. 498.

⁴⁰ См., например, В. В. Григорьев. О куфических монетах, сб. „Россия и Азия“, СПб., 1876, стр. 115, 118, 119, 131, 132.

⁴¹ А. Марков. Топография кладов восточных монет. СПб., 1910, стр. 1—2.

⁴² Там же, стр. 5—6.

⁴³ Там же, стр. 25.

⁴⁴ Там же, стр. 41.

⁴⁵ Там же, стр. 56.

и второго похода Игоря на греков. В этой связи следует обратить внимание и на одно свидетельство поэмы Низами «Искендер-Намэ», в которой ряд глав посвящен походу русов на Бердаа 943 г. Среди других сведений в поэме Низами сообщается, что вождь русов Кинтал «собрал войско в семи провинциях, зависевших от России» (буквально — «семь Россий») ⁴⁶. Обращаясь к походу Игоря на греков 943 г., мы находим, что и в нем участвовало семь народов: «варяги, русь и поляны, словени и кривичи и теверьце и печенеги». Едва ли случайно и это совпадение. В своей совокупности все эти данные еще раз подтверждают, что поход на Бердаа, несомненно начавшийся осенью 943 г., тесно связан с походом Игоря на Византию. Следовательно и все восточные источники свидетельствуют, что второй поход Игоря на греков состоялся в 943 г.

Обращаясь к истории соседних с Русью государств, мы находим, что в 943 же году на греков с севера двинулись венгры, а в Крыму после гонения на евреев, объявленного тогда в Византии, обстановка была напряженной до предела, и вполне возможно, что дело дошло до вооруженных столкновений (к такому выводу приводят, в частности, данные знаменитой еврейско-хазарской переписки и имеющиеся в договоре 944 г. призывы греков, направленные к русскому князю, воевать с кем-то где-то в Корсунской стране).

То обстоятельство, что эти события произошли в одном и том же 943 г., может говорить о многом. Известно, что для второго похода на греков Игорь искал союзников всюду, где их можно было найти. Ему удалось нанять печенегов и варягов. Вполне также вероятно, что Игорь отправил посольства с предложением идти на греков и к венграм, всегда готовым к этому, и к болгарам. Возможно, по мысли Игоря, русское войско должно было напасть на Константинополь со стороны моря, а венгры и болгары — с севера. Венгры, как известно, в 943 г. действительно двинулись на Византию ⁴⁷. Напряженными были и взаимоотношения Византии с Аланией, в которой, согласно показаниям Масуди, византийское влияние в 932 г. резко сменилось хазарским. Из «северных варваров» в 943 г. в дружбе с Византией осталась, пожалуй, лишь одна Болгария. Не потому ли Игорь велел печенегам воевать именно против болгар, а не против какого-либо другого народа, что болгары отказались от участия в этом походе? Нам известно, что Феофан в 943 г. очень удачно остановил поход венгров на Константинополь. Поэтому не кроется ли здесь стремление греков расколоть «северных варваров», склонить на свою сторону венгров и в случае, если бы русский князь продолжил свой поход на Константинополь, двинуть их против него? Русская летопись сообщает, что греки послали дары не только Игорю, но и печенегам. По-видимому, возможность перехода не только венгров, но и печенегов на сторону греков в 943 г. была вполне реальной. Если к этому прибавить, что и болгары в это время были на стороне греков, то нам станет ясно, что Игорь неспроста «дошедъ Дуная созва дружину и нача думати». Игорю в самом деле было над чем задуматься. Что сулила ему война, да еще с такими ненадежными союзниками, как печенеги, которых остановила первая же подачка императора? В луч-

⁴⁶ И. Тебенъков. Ук. соч., стр. 50.

⁴⁷ В пользу мысли о связи между набегом венгров на Константинополь в 943 г. и вторым походом Игоря можно привести и тот установленный В. М. Истриным факт, что в Еллинском летописце второй редакции сказание о походах Игоря совпадает с повествованием Амартола о набеге угров. (В. М. Истрин. Летописные повествования о походах русских князей на Царьград, стр. 218—219; его же. Моравская история славян и история поляно-руси как предполагаемые источники начальной русской летописи, стр. 311—312).

шем случае заключение выгодного торгового договора. Но Византия, убедившаяся в том, что никакие дары не остановят русского князя, если не будет заключен этот договор, теперь и без войны соглашалась на это. Следовательно, Игорь не мог и желать лучшего. Гораздо труднее было заставить отказаться от войны и связанной с ней добычи — печенегов и тех многочисленных варягов и русских, которые мечтали обогатиться в этом походе. Но печенеги были успокоены, с одной стороны, греческими дарами, а с другой — разрешением Игоря пограбить Болгарию. Русскому же флоту, а следовательно, и варягам (возможно, также и части печенегов) Игорь повелел двинуться на Каспий, в далекий Бердаа.

Итак, Игорь, явившийся инициатором грандиозного похода «северных варваров» против Византии, полностью пожал плоды этого похода, несмотря на то, что он остался неоконченным. Венгры в 943 г. получили только те дары, которыми их остановил на Дунае Феофан. Печенеги, участвовавшие в походе Игоря 943 г., должны были удовлетвориться разрешением русского князя пограбить Болгарию, и теми дарами, которые поднесли им греки. Болгария за свою дружбу с Византией в 943 г. заплатилась набегом печенегов. Византия, так удачно и быстро умиротворившая печенегов своими дарами, когда они шли на нее, и не пыталась удерживать их от набега на дружественную ей Болгарию.

Что касается Византии, то в 943 г. она потерпела тяжелое дипломатическое поражение, так как была принуждена согласиться на заключение невыгодного и мало почетного договора. Таким образом, из сложной борьбы интересов, развернувшейся в 943 г. в Северном Причерноморье, наибольшую пользу извлекло именно Русское государство, заключившее с Византией выгодный торговый договор.

Как ни странно, но об этом великом походе «северных варваров» на Византию в 943 г. прямые известия сохранились только в русской летописи. В других источниках упоминается лишь о набеге венгров и — в очень туманной форме — о войне хазар с греками в Крыму⁴⁸. Может быть, это произошло именно потому, что поход Игоря 943 г. остался неоконченным, и «грекам незачем было писать об этом походе, который был ими, так сказать, перехвачен на пути»⁴⁹. Но не следует ли именно к этому неоконченному походу «варваров» отнести заметку константинопольского синаксаря от 5 июня, в которой указывается, что литургический праздник 5 июня был учрежден в честь избавления греков от каких-то «варваров». А. П. Керамевс⁵⁰ и А. А. Васильев⁵¹, полагали, что эта заметка указывает на поход русских на Византию в 860 г., а 5 июня — это дата праздника, якобы установленного в честь снятия осады Константинополя русскими. Всю несостоятельность такого взгляда хорошо показал М. В. Левченко⁵².

Но вряд ли справедливой будет и мысль Н. Ф. Красносельцева⁵³ и М. В. Левченко, что заметку синаксаря от 5 июня следует отнести к VII в. Эта заметка, как доказали А. Грегуар и П. Оргельс⁵⁴, удивительно напоминает пророчество жития Василия Нового, сделанное за четыре месяца

⁴⁸ С. М. Дубнов. История евреев в Европе, т. I, Рига, 1936, стр. 181—182.

⁴⁹ Б. Д. Греков. Киевская Русь. М., 1949, стр. 453.

⁵⁰ А. П. Керамевс. Акафист Божьей Матери. ВВ, X, вып. 3, 1903.

⁵¹ А. А. Vasiliiev. The Russian attack on Constantinople in 860. Cambridge, 1946.

⁵² М. В. Левченко. Фальсификация истории византино-русских отношений в трудах А. А. Васильева. ВВ, IV, 1951, стр. 155—158.

⁵³ Н. Ф. Красносельцев. Типик церкви св. Софии в Константинополе (IX в.). Летопись историко-филологического общества при императорском Новороссийском университете, т. II, Византийское отделение. Одесса, 1892, стр. 215.

⁵⁴ H. Grégoire et P. Orgels. Les invasions russes dans le Synaxaire de Constantinople. Byz., t. 24, 1954, p. 144.

до похода Игоря, т. е. обнаруживает черты сходства с источниками X в. Поэтому мы считаем, что ее следует увязать с походами Игоря, но не с первым походом, как полагают А. Грегуар и П. Оргельс⁵⁵, а со вторым. А. Грегуар и П. Оргельс упустили из виду, что в 941 г. греки были окончательно освобождены от нашествия только 15 сентября, а не 5 июня. Да и к тому же все источники (греческие, латинские, арабские) прямо указывают, что в 941 г. на Константинополь напали не какие-то «варвары», а именно русские.

К заметке синаксаря от 5 июня как нельзя лучше подходит именно историческая обстановка 943 г. Действительно, хотя в этом году поход происходил под гегемонией русского князя, однако в нем приняло участие такое число разных народов, что их нелегко было даже перечислить, и не удивительно поэтому, что их объединили общим названием «варвары». С другой стороны, и 5 июня вполне могло быть тем днем, в который греки встретили Игоря на Дунае и заключили с ним перемирие.

Все это дает основание считать, что заметка синаксаря от 5 июня является иностранным свидетельством о втором походе Игоря на греков, пока, правда, единственным.

---

⁵⁵ H. Grégoire et P. Orgels. Op. cit., p. 143.